

УКЛОНЕНИЕ ОТ НАКАЗАНИЯ КАК ВИД УГОЛОВНОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ: ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРИРОДЫ

*И. А. Тарханов, доктор юридических наук,
профессор (Казанский государственный
университет)*

Преступление рассматривается в общей теории права как разновидность правонарушений. Более того, иногда подчеркивается, что преступление есть качественно особый вид правонарушений (И. С. Самощенко). На этом основании все правонарушения подразделяются обычно на две основные группы: преступления и иные правонарушения (проступки, деликты). Между тем в литературе отсутствует единство в понимании реального основания (критерия) такого деления. В одних случаях этим критерием выступает степень общественной опасности деяний, а в других — наличие или отсутствие таковой. Преступления выделяют среди других правонарушений также по характеру противоправности (области регулируемых отношений), хотя такое деление признается достаточно условным, ибо «одно и то же деяние может нарушить нормы нескольких отраслей законодательства и одновременно влечь несколько различных санкций» (Н. С. Малеин).

Уголовная противоправность и наказуемость считаются неотъемлемыми компонентами (признаками) преступления, хотя в уголовно-правовой литературе до сих пор не выработано единообразного понимания содержания этих понятий. В одних источниках уголовная противоправность рассматривается как запрещенность преступления соответствующей нормой под угрозой применения к виновному наказания, а наказуемость представляется составной частью уголовной противоправности, «которая выражается в угрозе применения наказания при нарушении запрета совершать те или иные общественно опасные деяния, признаки которого описаны в диспозиции нормы» (Н. Ф. Кузнецова). Другие авторы полагают, что наказуемость — самостоятельный признак преступления, поскольку наказуемость «в некоторых случаях

не совпадает с признаками общественной опасности и противоправности деяния», хотя сама наказуемость деяния без названных выше признаков не может существовать (В. Н. Кудрявцев).

Изложенное убеждает, что проблема разграничения правонарушений и оценка преступления как самостоятельной, особой их разновидности является до настоящего времени актуальной в теории права в целом и в уголовном праве, в частности. Между тем, различие в подходах не может не оказывать внимания на законотворческую деятельность. Так, согласно ст. 2.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях таковыми признаются противоправные виновные действия (бездействие) физического или юридического лица, за которые настоящим Кодексом или законами субъектов Российской Федерации установлена административная ответственность. Обращает на себя внимание, что признак общественной опасности выведен за пределы определения понятия административного правонарушения, хотя в теории эта проблема продолжает оставаться дискуссионной.

Характеристика уголовной противоправности как запрещенности соответствующего деяния именно уголовным законом, возможно, и позволяет отличить преступление от иных (неуголовных) правонарушений, однако мало способствует решению вопроса о юридической природе тех правонарушений, признаки которых формулируются в Общей части УК РФ. К ним относится, в частности, правонарушение, определяемое в УК РФ как злостное уклонение от исполнения (отбывания) ряда наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества (ч. 5 ст. 46, ч. 3 ст. 49, ч. 4 ст. 50, ч. 4 ст. 53).

Уклонение осужденного от наказания традиционно рассматривается как акт негативного, неправомерного поведения, однако ответственность за их конкретные виды в УК РФ дифференцируется. Если побег из места лишения свободы (ст. 313 УК РФ), а также уклонение от отбывания этого наказания (ст. 314 УК РФ) признаются преступлениями, (глава 31 «Преступления против правосудия»), то лица, злостно уклоняющиеся от уплаты штрафа, отбывания обязательных работ, исправительных работ и ограничения свободы, не рассматриваются как преступники. В качестве меры их ответственности в Общей части РФ предусмотрена замена данных наказаний другими, более строгими его видами. Следует отметить также, что ответственность за уклонение от некоторых наказаний в законе вообще не регламентируется.

Проблема ответственности за злостное уклонение от наказаний в виде замены наказаний и определения юридической природы этого

правонарушения рассматривалась в теории. Однако достойного внимания к ней с точки зрения основания ответственности в уголовном праве не получила. Следует согласиться с мнением Л. Л. Кругликова, что «отсутствии унифицированного подхода к регламентации ответственности лиц при уклонении их от отбывания наказания свидетельствует о недостаточном осмыслении затронутой проблемы».

Между тем, уклонение осужденного от наказания, назначенного ему приговором суда, представляет собой серьезное препятствие для реализации принципа справедливости и достижения целей уголовного наказания. Этот тип неправомерного посткриминального поведения свидетельствует о том, что осужденный не сделал необходимых выводов из факта вынесения обвинительного приговора, способен порождать пессимизм граждан (включая потерпевших от преступления) в оценке эффективности правосудия, влечет увеличение затрат на его должное осуществление, серьезно подрывает идею неотвратимости уголовной ответственности и порождает чувство безнаказанности за предшествующую преступную деятельность.

С социальной точки зрения, уклонение осужденного от наказания представляет собой *новый конфликт этого лица с законом*. В юридическом отношении — это новое, после совершения преступления (т. е. посткриминальное) правонарушение, поскольку его характер и последствия регламентируются уголовным законом (Р. А. Сабитов). По мнению В. М. Галкина, понятие «посткриминальный проступок» (в том числе, уклонение от наказания) довольно точно отражает юридическую природу негативного посткриминального поведения: оно является непроступком, ибо преступления предусмотрены Особенной, а посткриминальные проступки — Общей частью УК. Иными словами, злостное уклонение осужденного от наказания, не связанного с изоляцией от общества, представляет собой *уголовное правонарушение* в силу запрещенности его уголовным законом, но *не преступление*, ибо оно не предусмотрено Особенной частью УК. Однако эта концепция не бессюжна. Согласно ч. 1 ст. 14 УК РФ, преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное настоящим кодексом под угрозой наказания. Даже с «формально-юридической» точки зрения *уголовное правонарушение*, импущемое злостным уклонением осужденного от наказания, обладает рядом признаков, присущих преступлению: оно общественно опасно, виновно и запрещено ранее названными нормами уголовного закона (УК).

Общественная опасность уклонения от наказания определяется рядом обстоятельств, некоторые из которых были ранее названы. Побег

осужденного из места лишения свободы (как разновидность преступления) и злостное уклонение от отбывания, к примеру, исправительных работ (как вид уголовного правонарушения) являются юридическими разновидностями уклонения от наказания. Их существенно отличает, по нашему мнению, характеристика самого субъекта неправомерной деятельности (личность преступника), но не ее форма. И в том, и в другом случае имеет место отказ осужденного от исполнения предписаний приговора, его стремление избежать уголовной ответственности, упорное нежелание возвратиться в правовое поле и связанные с этим негативные социальные последствия такого поведения. Иными словами, социальная опасность, вредоносность каждого из видов такого уклонения от наказания, по сути дела, равноценна, если абстрагироваться от характеристики самого деятеля.

Злостное уклонение от отбывания наказания представляет собой умышленное деяние, а умысел является одной из форм вины. Это свидетельствует о наличии признака виновности.

Уголовная противоправность, как признак преступления, обозначен в УК через формулу «деяние, запрещенное настоящим Кодексом». Признаки деяния в форме злостного уклонения от отбывания наказания обозначены в УК РФ, правда не в Особенной, а в Общей его части. Кстати, в самом тексте ч. 1 ст. 14 УК РФ такое требование и не предъявляется, хотя, возможно, оно и имеется в виду. Поэтому можно с пониманием отнестись к утверждению, что «в рамках Общей части УК РФ можно найти типичные нормативные предписания, относящиеся к Особенной части, в которых устанавливается ответственность за злостное уклонение... Указанные предписания по своей природе ничем не отличаются от аналогичных предписаний, содержащихся в главе 31... Они представляют собой «латентную криминализацию», «особенную часть» внутри Общей...» (В. П. Коляхин).

В литературе предлагаются рекомендации по устранению сложившегося противоречия. Установление наказания за конкретное противоправное деяние (каковым является уклонение от исполнения приговора) является функцией не Общей, а Особенной части Уголовного кодекса, формулирование санкций в статьях Общей части УК представляется ряду авторов, несостоятельным, а замена наказания более строгим видом рассматривается как разновидность уголовно-правовой санкции (Л. Л. Кругликов). Заменяющее наказание — это новое наказание (А. В. Иванчин). При таком подходе злостное уклонение от наказания располагает всеми характерными чертами (признаками) преступления: обществен-

ной опасностью, уголовной противоправностью, виновностью и, наконец, наказуемостью.

Следует отметить, что такая оценка была воспринята законодателями ряда зарубежных стран. Так, согласно ст. 389 и 390 УК Украины уклонение от наказания, не связанного с лишением свободы и ограничением свободы рассматриваются как самостоятельные преступления против правосудия (раздел XVIII). Соответствующие предписания содержатся также в ст. 415—420 УК Республики Беларусь в гл. 34 «Преступления против правосудия».

Подобное решение проблемы по разным причинам подвергается сомнению в отечественной литературе. Некоторая часть ученых, исходя из «соображений практической уголовной политики», полагают, что путь криминализации общественно опасных деяний, граничащих со сферой правонарушений, не является оптимальным. Заслуживает внимания и теоретическое обоснование сохранения традиционного подхода в противодействии злостному уклонению от отбывания наказания. По мнению Н. М. Кропачева, юридическим фактом, определяющим возникновение охранительного уголовно-правового отношения, является совершение преступления. В процессе развития этого отношения содержание его преобразуется, видоизменяется. Основанием для корректировки содержания возникшего правоотношения выступают новые юридические факты, «факты-действия», к числу которых автор относит злостное уклонение осужденного от наказания (ч. 5 ст. 46, ч. 3 ст. 49, ч. 4 ст. 50 УК и др.). Иными словами, в рамках основного уголовно-правового отношения, параметры (пределы) которого обозначены предписаниями обвинительного приговора, возникают субсидиарные отношения. Изменения, вызываемые «вторичными» юридическими фактами, имеют определенные пределы, которые задаются «первым и поэтому главным фактом».

Соглашаясь с концепцией возможной трансформации охранительного уголовно-правового отношения в связи с появлением новых юридических фактов в целом, следует отметить следующее. Изменение правового статуса осужденного в лучшую сторону (к примеру, при условно-досрочном освобождении) не колеблет стабильности приговора. Однако при замене наказания другим, более строгим его видом, правовой статус осужденного существенно изменяется в худшую сторону. Он принуждается претерпевать правоограничения, не предусмотренные предписаниями приговора. Это обстоятельство переносит решение вопроса в иное концептуальное русло: посредством вынесения постанов-

ления суд выходит за пределы (параметры) охранительного правоотношения, которые указаны в приговоре. Поэтому усиление уголовной ответственности, связанное с выходом за пределы предписаний обвинительного приговора (замена наказания более строгим), не может быть расценено как проявление (акт) индивидуализации наказания в рамках существующего охранительного уголовно-правового отношения. Противодействие злостному уклонению от отбывания (исполнения) наказаний, не связанных с изоляцией от общества, предполагает, с теоретической точки зрения, либо оценку уклонения в качестве самостоятельного вида преступления против правосудия (радикальное решение) либо включение особого предписания о возможности замены наказания в содержание обвинительного приговора суда.